

§ 2. Философия языка в «Логико-философском трактате»

Общеизвестно, что «Логико-философский трактат» — единственное сочинение Витгенштейна, опубликованное при его жизни, — определяет взгляды «раннего» Витгенштейна. В настоящем параграфе мы рассмотрим методологические аспекты этого сочинения, в котором Витгенштейн впервые создал «логическую» форму аналитической философии.

Вопрос, поднимаемый в «Трактате», традиционен для многих философов после Канта: можно ли выделить сферу, в пределах которой нечто *может* определяться ясно и отчетливо? Согласно Витгенштейну, если и существует нечто определенное, то его следует называть «*факт*». Это понятие оказывается для Витгенштейна эпистемологической аксиомой, которую нужно положить в основание логической системы: «Мир есть совокупность фактов, а не вещей»¹ и которая сразу наводит на мысль о субъективно-идеалистической позиции Витгенштейна, свойственной позитивистам. Полагаем, что подобное предположение безосновательно. Допустим, что Витгенштейн — субъективный идеалист. Тогда необходимо признать, что «факт» есть идеальная конструкция в пределах сознания, которая первична по отношению к «вещи». Факты, по Витгенштейну, наоборот, существуют в мире, а не в сознании; вещи же выступают идеальной конструкцией фактов. Но, заявляя о своей реалистической позиции, Витгенштейн не признает важного основоположения реализма, согласно которому сознание способно воспринимать именно вещь, а не факты о вещи. Витгенштейн осознает, что задача философского анализа лежит не в анализе чувственного опыта, а в точном определении того, что может быть *сказано* с достоверностью. Утверждая, что мир есть совокупность фактов, а не вещей, Витгенштейн полагает, что человек способен *сказать* нечто, но *сказать о факте*. Здесь, по-видимому, на Витгенштейна оказали большое влияние Б. Рассел и Дж. Мур, которые считали, что мы ничего не можем сказать о фактах самих по себе, а только высказать наши убеждения по поводу фактов. Поэтому не правы те, кто видят в Витгенштейне идеалиста; Витгенштейн — реалист, признающий независимость фактов от

¹ *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 1958. § 1.1.

сознания. Факты, таким образом, зависят от «объектов», а не от состояний сознания, следовательно, объекты онтологически первичны по отношению к высказываниям в структуре любого факта. «Атомарный факт есть соединение объектов»¹, — считает Витгенштейн. Желая приписать Витгенштейна к идеалистам могут добавить: Витгенштейн имеет в виду соединение объектов в нашем уме. Но Витгенштейн нигде это не утверждает, наоборот, отмечает, что логический анализ устанавливает независимость объектов от нашего ума. Он пишет: «Если даны все объекты, то этим самым даны также и все *возможные* атомарные факты»².

Данное высказывание, на наш взгляд, жестко детерминирует зависимость факта от объекта. Отказываясь от категории «вещь», Витгенштейн полагает, что под «объектом» можно подразумевать область реальности, независимую от сознания, о которой можно получить знание в виде «фактов». Реальность *относительно своего существования* не определяется в ходе анализа. «Только если есть объекты, может быть дана постоянная форма мира»³, — пишет философ. На основании вышеизложенной трактовки Витгенштейна можно сделать вывод, что он строит свою теорию логического анализа, опираясь на базисные суждения неореалистической эпистемологии Рассела и Мура, относясь тем не менее скептически к теории чувственных данных. Причем этот базис Витгенштейн берет как совокупность уже доказанных положений. Как точно отметил Дж. Пассмор, «Витгенштейна не интересовали примеры простых сущностей. Главное для него состоит в том, что *должны быть* простые сущности; а *что* они есть — вопрос второстепенный»⁴.

Витгенштейн предлагает ввести вместо категории «чувственное данное» категорию «образ», которую можно логически трактовать как синоним факта. Витгенштейна не интересует эпистемологическое положение, согласно которому не все образы могут соответствовать фактам. Важно то, что в любом предложении образ воплощает в себе *логическую форму* факта. Тем самым соответствие образа и факта только *логическое соответствие*. В действительности этого может и не быть, но

¹ Там же. § 2.01.

² Там же. § 2.0124.

³ Там же. § 2.026.

⁴ Пассмо Дж. Сто лет философии. М., 1998. С. 273.

это для Витгенштейна не предмет логического анализа. Здесь возникает серьезное расхождение Витгенштейна с его учителями-неореалистами: вопреки Расселу, Уайтхеду и Броду Витгенштейн не признает существования чувственных данных. «Нет образа, истинного *a priori*»¹, — утверждает он. С его точки зрения, образ (или чувственное данное) не может быть чем-то, кроме логического понятия, которое всегда зависит от понятия «факт». Возможен только один способ сочетания образа и факта — на основании логического анализа образа *самого по себе*, в отрыве от факта.

Из положения «Трактата»: «Образ есть модель действительности»² вытекает и другая причинно-следственная связь. Витгенштейн полагает, что образы не просто соответствуют или не соответствуют объекту, но и «замещают» его. Это приводит его к позитивистскому отождествлению факта с образом действительности, а не с объектом. Налицо следующее: Витгенштейн считает, что сознание мыслит только в форме образов, а это — утверждение, ведущее к объективно-идеалистическому учению о существовании образов в мире. Когда Витгенштейн говорит, что «логический образ фактов есть мысль»³, он фактически «закрывает» возможность «выхода» мысли к бытию, лежащему за пределами сферы образов. Тем самым проявляется *главное противоречие* «Трактата», заключающееся, с одной стороны, в признании того, что истина — это *соответствие образа с объектом вне нашего сознания*, и, с другой — в утверждении возможности «замещения» *объекта образом* в познании. В первом отношении Витгенштейн следует неореализму, согласно которому чувственно воспринимаемый объект предшествует мыслимому объекту; во втором отношении Витгенштейн повторяет положение логического позитивизма Милля, согласно которому только логически правильная картина действительности может привести человека к знанию. Это противоречие внесло раскол, двойственность в понимание Витгенштейном реализма, роли философского анализа и языка. Изменив типичное для неореализма отношение репрезентации на отношение замещения, Витгенштейн сделал шаг в сторону идеализма.

¹ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958. § 2.225.

² Там же. § 2.12.

³ Там же. § 3.

В самом деле, далее в «Трактате» Витгенштейн отходит от эпистемологических вопросов, будучи занят исключительно построением универсального языка и определением его границ. Переходя к построению языка, он вводит понятие «имя» как атомарную величину, позволяющую заместить в предложении объект. На основании определения возможностей и правил этого замещения можно достичь *точного символизма* в языке, когда каждый образ будет иметь простой и однозначный смысл.

Здесь Витгенштейн переходит в сферу логического анализа языка, постулируя, что «установление значений предложений будет относиться к символам, а не к их значениям»¹. Логицизм Витгенштейна вступает в конфликт с точкой зрения Рассела, согласно которой необходимо точное описание значения термина. «Ошибка Рассела проявилась в том, что при разработке своих символических правил он должен был говорить о значении знаков»², — считает Витгенштейн. Предложение просто изображает определенное положение вещей и составляется «для пробы», поэтому о фиксированном «значении» предложения нельзя говорить. Здесь уже можно предугадать «позднего» Витгенштейна, полностью запретившего говорить о значении предложений вне их употребления в языке. Рассел не оставил без внимания этот выпад Витгенштейна, который был сделан не только против него лично, но и против неореализма в целом. Признавая вклад Витгенштейна в обоснование точного логического символизма, Рассел пишет: «Г-н Витгенштейн уверяет, что все действительно философское принадлежит тому, что может быть только показано, что является общим для факта и его логического образа. Из этого взгляда вытекает, что в философии ничего не может быть сказано правильно. Каждое философское предложение грамматически плохо, и лучшее, чего мы можем надеяться достичь посредством философских дискуссий, — это показать, что философская дискуссия есть ошибка»³. Пока еще Рассел и Витгенштейн — союзники, и расхождение между ними — только в частном вопросе логики, но Рассел уже предостерегает от увлечения «грамматиче-

¹ Там же. § 3.317.

² Там же. § 3.331.

³ Рассел Б. Введение к «Логико-философскому трактату» // Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958. С. 15.

скими критериями», верно наметив направление развития философии Витгенштейна.

Витгенштейн утверждает: «Совокупность предложений есть язык»¹. Язык выступает универсальным средством для выражения *любого* смысла, даже если неизвестно значение каждого слова (что и происходит в разговорном языке). Для Витгенштейна язык «переодевает» мысли, причем это понимается им в смысле стремления к маскировке, к сокрытию смысла от логического анализа. Поэтому «молчаливые соглашения для понимания разговорного языка чрезмерно усложнены»². Задача логического анализа заключается в *упрощении* языковых правил, что будет осуществлено, когда будет проведена демаркация между бессмысленным и осмысленным. Только тогда человек будет способен понять «логику языка».

Предложение должно соответствовать действительности. В этом заключается его истина, но *само по себе* оно не более чем «логические строительные» леса, посредством которых сознание проникает в мир объектов. В отличие от Рассела, который допускал введение факта непосредственно в языковую систему, Витгенштейн смотрит на логику только как оперирование предложениями, состоящими из замещающих объекты знаков. «Моя основная мысль заключается в том, что «логические постоянные» ничего не представляют, что логика фактов не может быть представлена»³, — пишет Витгенштейн. Отделяя факты от предложений, он выражает общую для философии логического анализа тенденцию — *отделение логики от эпистемологии*, превращение эпистемологических вопросов в *следствие* логической теории. Однако эта тенденция не ведет к идеализму, так как Витгенштейн не разделяет позиции Венского кружка, согласно которой логический анализ и структуры языка *определяют* реальность.

Итак, для идеального языка требуются следующие условия.

1. В нем существует одно имя для каждого атомарного факта и не может быть одного имени для двух атомарных фактов.

2. Имя — простой символ, т. е. никакая часть имени не является символом.

¹ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958. § 4.001.

² Там же. § 4.002.

³ Там же. § 4.0312.

3. «Предложения могут быть описаны, но не названы»¹, т. е. смысл предложения не может заключаться только в самом предложении. Вопреки идеалистам, содержание языка определяется содержанием мира; поэтому «назвать» (т. е. формально определить понятие) недостаточно. Нельзя *понять* предложение без знания того, что оно обозначает, когда оно истинно.

4. «Язык не может изображать то, что само отражается в языке»², поэтому построение «чистого» языка невозможно. Логический язык только по видимости самодостаточен, на самом деле он базируется на языке «фактов», будучи «логическим образом действительности».

5. Язык должен быть однозначным во всех своих частях, а это возможно только при соблюдении *правил*. Логика устанавливает правила употребления языка, понятные каждому субъекту.

6. Идеальный язык логики может описывать все частные языки, но ни один из частных языков не обладает той степенью всеобщности, которой обладает логический язык.

7. Все, что человек может знать, может быть высказано в языке.

Кант доказал, что сфера достоверного познания ограничивается сферой возможного опыта. Витгенштейн вторит ему, но для него сфера правильного употребления языка ограничивает сферу достоверного познания: «Границы моего языка означают границы моего мира»³. Это не значит, что язык ограничивает «мой мир» (тогда Витгенштейн был бы берклианцем); он хочет сказать, что мир, рассмотренный через призму логики, оказывается систематизированным, «заполненным». Только логически проясненный мир можно назвать «миром», а не «чем-то вне нас».

В конце концов Витгенштейн приходит к эпистемологическому воззрению, называемому им *солипсизмом*. Он пишет: «Строго проведенный солипсизм совпадает с чистым реализмом. Я солипсизма сокращается до непротяженной точки, и остается соотнесенная с ним реальность»⁴. Мы привыкли понимать под солипсизмом теорию, в центре которой стоит те-

¹ Там же. § 3.144.

² Там же. § 4.121.

³ Там же. § 5.6.

⁴ Там же. § 5.64.

зис Протагора «Человек есть мера всех вещей», когда доказывается, что вещи не существуют вне сознания. Витгенштейн же доказывает, что его солипсизм есть «чистый реализм»: «Я есть мой мир (микрокосм)»¹, утверждая, что только познанное с логической необходимостью включено в этот мир. Солипсизм Витгенштейна отличается от «основанного на Я» солипсизма Беркли и стоит ближе к точке зрения Шопенгауэра о мире как представлении воли (тем более что последний оказал большое влияние на Витгенштейна).

Сфера «реального» в системе раннего Витгенштейна состоит из трех элементов: 1) человеческое сознание; 2) «идеальное Я», понимаемое как «метафизический субъект», а не человек; 3) мир объектов.

Элементы (1) и (3) взаимодействуют в языке, носителем которого выступает «идеальное Я». Сознание способно воспринимать мир только в виде фактов или образов, замещающих объекты. Человеческое сознание постепенно «осваивает» сферу «идеального Я» благодаря процессу анализа и совершенствованию языка. В этой связи прогресс познания видится так: человеческое знание все более и более стремится к совпадению со знанием «идеального Я» и все более и более способно «замещать» мир объектов, который, в свою очередь, проявляется в «идеальном Я». Солипсизм Витгенштейна — это попытка установления того, что мы *можем знать о мире*, определение того, может ли мир стать *нашим* миром (логически, а не психологически). Метафизический субъект, или «идеальное Я», интерпретируется по аналогии с глазом. Поле зрения глаза — это все, что можно увидеть. Но сам глаз не входит в это поле зрения. Так и «идеальное Я», будучи субъектом идеального языка, не включается в сферу того, что можно сказать на этом языке. Иначе говоря, по Витгенштейну, мы *ничего* не можем сказать об «идеальном Я»; оно относится к сфере «невывказанного», или «*мистического*».

Витгенштейн доказывает, что все ценности лежат за пределами сферы «осмысленного»: «Смысл мира должен лежать вне его [...] В нем нет никакой ценности»². В мире не существует таких сущностей, как религиозные, этические или эстетические ценности. Этика не может быть *высказана* определенным обра-

¹ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. § 5.63.

² Там же. § 6.41.

зом, точно так же, как нельзя высказать о своем религиозном опыте. Эти предметы лежат за пределами реальности, в области «мистического». Мистическое можно переживать, но его нельзя высказать, так как высказать можно только о факте, а такого факта, как «справедливость», нет. Витгенштейн утверждает: «Мистическое не то, как мир есть, но то, что он *есть*»¹. То, как мир есть, мы постигаем через язык, логически анализируя факты. Но мы не можем знать что-либо за пределами языка; поэтому человеку не дано знать *бытие* мира. Все попытки проникнуть в область бытия оказываются «метафизическими» и должны быть отброшены. В утверждении онтологической недоказуемости метафизики Витгенштейн сходится с Хайдеггером, как верно отмечает К.-О. Апель. Однако Хайдеггер учит о возможности «стояния в просвете бытия»; для Витгенштейна же, наоборот, бытие недоступно вообще.

Витгенштейн, используя методы критической философии Канта, показывает «трансцендентальную историю» языка, определяя его генезис и отграничивая то, что может быть правильно высказано, от того, что не может быть правильно высказано. Формирование идеального языка в «Трактате» можно представить в виде следующей схемы (в которой стрелки означают логическое следование):

$$\begin{aligned} \text{мир} &\rightarrow (\text{факт} \rightarrow \text{объект}) \rightarrow (\text{образ} \rightarrow \text{имя}) \rightarrow \\ &\rightarrow (\text{предложение} \rightarrow \text{язык}) \rightarrow \text{знание} \end{aligned}$$

Теперь, рассмотрев все контуры системы «Трактата», попытаемся детальнее определить не только *применение*, но и *назначение* логического анализа, которое Витгенштейн тесно связывает с вопросом о роли философского знания вообще. Он пишет: «Цель философии — *логическое прояснение мыслей* (курсив мой. — С. Н.). Философия — не теория, а деятельность»². Отметим, что Витгенштейн деятельность не ассоциирует с практикой, как это делают прагматисты и марксисты. Речь идет исключительно о рассудочной деятельности, логическом анализе, направленном на прояснение понятий и предложений. По Витгенштейну, только «мыслимое» (т. е. анализируемое) может быть предметом

¹ Там же. § 6.44.

² Там же. § 4.112.

анализа. Несмотря на то что проблема отделения «мыслимого» от «немыслимого», точного знания от метафизического знания — позитивистская по своей сути, Витгенштейн отказывается интерпретировать ее в духе субъективного идеализма. «Смысл предложения есть его согласование или несогласование с возможностями существования или не существования атомарных фактов»¹, — считает он. В причудливом сочетании заимствований из двух направлений в философии — логического позитивизма и неореализма — реалистические основы все же доминируют.

Подводя итог, можно взять кристально ясное утверждение Рассела: «Правильный метод обучения философии, говорит он [Витгенштейн. — С. Н.] заключается в том, чтобы строго придерживаться предложений наук, сформулированных со всей возможной ясностью и точностью, оставляя философские утверждения читателю и доказывая ему всякий раз, когда он их выскажет, что они бессмысленны [...] Колебание вызывает то, что, в конце концов, г-н Витгенштейн сказал довольно много о том, что не может быть сказано, позволяя тем самым скептическому читателю предполагать, что существует какая-то лазейка через иерархию языков или какой-нибудь другой выход»². Данная «лазейка» заключается в том, что, во-первых, Витгенштейн допускает *возможность* мистического, только отграничив его, и, во-вторых, в его самом загадочном постулате: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать»³. Попытаемся расшифровать этот постулат. Его нужно, на наш взгляд, интерпретировать следующим образом.

1. «О чем невозможно говорить». Имеется в виду нечто, что не может быть предметом языка. Говорить можно только о фактах. Следовательно, то, о чем невозможно говорить, находится за пределами сферы фактов, т. е. реальности.

2. «Следует молчать». Мы обладаем «немотой» и неспособностью высказать о «мистическом» ничего, кроме *не имеющего* отношения к мистическому.

3. То, что находится за пределами реальности, т. е. мира фактов, *не может быть предметом языка и логического анализа.*

¹ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. § 4.2.

² Рассел Б. Введение к «Логико-философскому трактату» // Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958. С. 25.

³ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. § 7.

Однако впоследствии для Витгенштейна стало ясно, что он не до конца исследовал этот вопрос и что «молчанием» часто можно сказать гораздо больше, чем говорением. В этой связи Витгенштейн пишет своему другу Л. фон Фикеру: «На самом деле это не так, поскольку смысл книги этический. Я даже хотел вставить в предисловие одно предложение, которого там на самом деле нет и которое я сейчас напишу, потому что оно, возможно, будет для Вас ключом. А именно, я хотел написать: моя работа состоит из двух частей, из той, что находится перед вами, и той, которую я *не написал*. И именно эта вторая часть самая важная. Моя книга как бы проводит границы этического изнутри; и я убежден, что оно *строго* ограничивается *только* так. Короче, я полагаю, что всё то, о чем многие сегодня болтают, я устанавливаю в своей книге тем, что я об этом молчу»¹. Неслучайно именно то, о чем было умолчано в «Трактате», и стало содержанием философии «позднего» Витгенштейна.

¹ *Витгенштейн Л.* Из писем Витгенштейна к Л. Фикеру (1919–1920) // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. М., 2018. С. 318.